

ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДИСКУРСА

DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.1-207-225

УДК 316

Условия успеха национально-культурных проектов (на материале национальных движений в Северо-Западном крае Российской империи во второй половине XIX века)

Филиппов Сергей Иванович,

кандидат философских наук,

заместитель директора по общим вопросам

Гуманитарного института Новосибирского государственного университета,

Россия, 630090, г. Новосибирск, ул. Пирогова, 2

SPIN-код (РИНЦ): 4743-5183

AuthorID (РИНЦ): 113556

flippow07@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена исследованию условий успеха национально-культурных движений. Анализ проводится на материале сопоставления контрастных случаев – относительно успешного литовского и относительно неуспешного белорусского национальных движений, а также политики «обрусения» этнических литовцев (на материале национальных движений в Северо-Западном крае Российской империи во второй половине XIX века). Эти национальные движения развивались в условиях ограничительных мер имперского правительства в отношении польского языка и католической церкви в Западном крае, а также падения престижа прежде доминирующей социальной группы – полонизированной шляхты. Показано, что успех литовского национального проекта обусловлен наличием авторитетной и влиятельной социальной группы в лице католического духовенства, для которой этнические литовцы как паства были сообществом, обеспечивающим не только влияние и благополучие, но и само существование в условиях правительственных мер в Северо-Западном крае против «вредоносного польского влияния». Интерес к этническим литовцам в аспекте политики «обрусения», проводимой имперской администрацией, быстро угас вследствие их низкой численности, антипольской направленности литовского национального движения, существенных лингвистических и религиозных различий между православными славянами и литовцами-католиками. В белорусском национальном движении подобной социальной группы, которая обладает авторитетом и влиянием среди местного населения и для которой белорусская нация стала бы сообществом, обеспечивающим базовые социальные потребности, во второй половине XIX века не было. Грекокатолическая церковь, которая могла бы стать национальной белорус-

ской церковью, вошла в состав Русской православной церкви в 1839 году и была упразднена. Сходство белорусского языка, с одной стороны, с русским языком, с другой – с польским обусловило его восприятие как некоего «отклонения от нормы», существенно снизив его престиж как литературного языка.

Ключевые слова: элиты, литовское и белорусское национальное движение, политика «обрусения», Северо-Западный край Российской империи, литовская и белорусская шляхта, католическое духовенство.

Conditions for the Success of National and Cultural Projects (Based on the Material of National Movements in the North-Western Region of the Russian Empire in the Second Half of the 19th Century)

Sergey Filippov,
Cand. Sc. (Philosophy),
Deputy Director of the Humanities Institute,
Novosibirsk State University,
2 Pirogova Street, Novosibirsk, 630090, Russian Federation
AuthorID (RSCI): 11355
SPIN-code (RSCI): 4743-5183
filppow07@yandex.ru

Abstract

The article deals with investigation into the conditions of the success of national movements. The analysis is based on comparing contrastive cases – the relatively successful Lithuanian and the relatively unsuccessful Belarusian national movements, as well as the policy of “Russification” of ethnic Lithuanians. The rise of national movements in the western part of the Russian Empire in the second half of the 19th century took place in the context of the restrictive measures by the imperial government against the Polish language and the Catholic Church and the decline in prestige of the previously dominant social group – the Polonized gentry after the defeat of the uprising of 1863–64. The success of the Lithuanian national project is due to the Catholic clergy of the territories inhabited by the ethnic Lithuanians – as an influential social group that enjoyed authority among the local population as well as among the local nobility. Considering government measures against the “harmful Polish influence” as well as the project of a “Reverse Union” (a certain united Orthodox-Catholic confession under the authority of orthodox clergy) in the Northwestern Krai of the Russian Empire, ethnic Lithuanians as a flock were for the local Catholic church a community that provides not only influence and prosperity, but also existence itself. In order to distance itself from the “Polishness”, the Catholic clergy promoted the idea of a catholic Lithuanian nation. The anti-Polish orientation of

Lithuanian nationalism, the relatively low number of ethnic Lithuanians, significant linguistic and religious differences between Orthodox Slavs and Catholic Lithuanians also reduced the imperial administration's interest in ethnic Lithuanians as an object of Russification. In the case of the Belarusian national movement, there was no such an influential social group in the second half of the 19th century, for which Belarusians as a nation would be a community providing basic social needs. The Greek Catholic Church, which could have become a national Belarusian church, joined the Russian Orthodox Church in 1839 and it was abolished later. The similarity of the Belarusian language, on the one hand, with Russian, and on the other hand, with the Polish languages led to its perception as a kind of “deviation from the norm”, significantly reducing its prestige as a literary language.

Keywords: elites, Lithuanian and Belarusian national movements, “Russianization”, Northwestern Krai of the Russian Empire, Lithuanian and Belorussian nobility, Catholic clergy.

Библиографическое описание для цитирования:

Филиппов С.П. Условия успеха национально-культурных проектов (на материале национальных движений в Северо-Западном крае Российской империи во второй половине XIX века) // Идеи и идеалы. – 2024. – Т. 16, № 1, ч. 1. – С. 207–225. – DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.1-207-225.

Filippov S. Conditions for the Success of National and Cultural Projects (Based on the Material of National Movements in the North-Western Region of the Russian Empire in the Second Half of the 19th Century). *Idey i idealy = Ideas and Ideals*, 2024, vol. 16, iss. 1, pt. 1, pp. 207–225. DOI: 10.17212/2075-0862-2024-16.1.1-207-225.

Введение

Для представителей элит, особенно традиционных (домодерных), всегда была характерна демонстративная дистанция по отношению к простонародью – лингвистическая, религиозная, поведенческая, пространственная и др. Отчуждение между элитами и народом как способ демонстрации и подтверждения «благородного» статуса использовалось и поддерживалось государственной властью в качестве одного из самых эффективных средств обеспечения лояльности элит. В качестве примеров можно упомянуть немецко-балтийское (остзейской) рыцарство, представители которого делали успешную карьеру как в армии, так и в гражданской бюрократии Российской империи не только благодаря особенностям их габитуса (аккуратность, исполнительность, точность), но и вследствие того, что в религиозном, культурном, языковом отношении оно отличалось как от собственного простонародья, так и от русского дворянства. Еще один пример – казачество в XIX – начале XX века. Лишив казацкие войска политико-административной автономии, имперское правительство сохранило казачество как особое военно-земледельческое сословие, используя его для

подавления внутренних беспорядков, что усиливало отчуждение между казаками и народом России.

Тем не менее некоторые представители элит с разной степенью успешности предпринимают попытки преодоления этого отчуждения от собственного народа, перенимая (с разной степенью глубины и аутентичности) народную культуру и язык, посвящая свою жизнь служению народу. В Европе и России такого рода «хождения в народ» были характерны для XIX столетия. Чем вызваны эти явления и чем было обусловлен их успех или неуспех¹?

Во второй половине XIX века деятельность элит, направленная на сближение с народом, зачастую принимала форму национально-культурных «возрождений». В XIX веке в науке и политике распространяется уверенность, что ядром «чувства народности» (или, говоря современным языком, национальной идентичности) является не религиозно-конфессиональная принадлежность, а язык, письменность, литература. В соответствии с лингвистическим критерием показателями успеха национально-культурных проектов являются кодификация национальных языков, распространение образования и издание литературы на национальных языках, а также формирование многочисленных читателей национальной литературы, в итоге – формирование национального самосознания и национальной идентичности.

Богатый материал для исследования условий возникновения национальных движений и их успешности предоставляет история западных окраин Российской империи второй половины XIX – начала XX века. Царство Польское, Северо-Западный край, Лифляндия и Эстляндия, а также Малороссия становятся местом формирования и развития проектов, связанных с национально-культурным «возрождением» различных этнических групп, населяющих эти регионы. Причем эти проекты инициировались как местными активистами, так и отчасти имперской администрацией².

¹ Основные результаты исследования были представлены на XXIX Международной научной конференции к 320-летию основания Санкт-Петербурга (Санкт-Петербург, 7 апреля 2023 г.) [21].

² Имперская власть, в частности, не препятствовала становлению эстонской и латышской элит, росту престижа национальных языков и культур как средства ослабления немецкого доминирования в Остзейском крае. Например, количество эстонцев на государственной службе в Ревеле (Таллине) в 1871 году составляло 4 человека, а в 1897 году – 442, т. е. более 50 % всех чиновников [14, с. 63]. Во второй половине XIX века представители имперской администрации, в частности Н. Милютин, предлагали создавать условия для укрепления национального самосознания непольского населения царства Польского. Львовский православный архиепископ Макарий утверждал, что русские должны заботиться не о том, чтобы обрусить литовцев, а о том, чтобы сохранить и разнообразить их язык, содействуя поддержанию их национальности [18, с. 237–240].

Далеко не все национально-культурные проекты завершились успешно. Преимущественно шляхетское по своему социальному составу польское восстание 1863–1864 годов не было поддержано населением Западного края, хотя некоторые его вожди делали попытки сближения с «народом». Так, К. Калиновский обращался к белорусским крестьянам на их языке. В целом белорусским активистам так и не удалось сформировать национальное сознание у населения южных губерний Северо-Западного края. Деятельность русской администрации, направленная на «обрусение»³ этнических литовцев, также оказалась малоуспешной и не слишком продолжительной. В то же время усилия национальных активистов и католического духовенства в поддержку литовской культуры, создание литовского литературного языка и письменности на основе латиницы, приведшие к складыванию национальной литовской идентичности, оказались вполне успешными.

Для выявления условий формирования и степени успешности национально-культурных движений сопоставлены контрастные случаи – литовское и белорусское «национальные возрождения» второй половины XIX века. Оба случая сходны друг с другом в некоторых существенных аспектах (в частности, в культурно-этнографическом). Зачастую оба этноса воспринимались как два «племени» единого народа [2, с. 2]). Кроме того, и белорусы, и литовцы имеют общий исторический опыт совместного существования и тесных контактов в пределах Великого княжества Литовского. После политического сближения Польши и Великого княжества Литовского местные элиты испытали сильное воздействие доминирующей тогда польской культуры, усвоив ее в том числе и на языковом уровне (А. Мицкевича, писавшего на польском языке, считают своим национальным поэтом и литовцы, и белорусы). Как литовские, так и белорусские национальные активисты отрицательно оценивали «ополячивание» местных элит и идеализировали самостоятельное средневековое Литовско-русское государство, существовавшее до Люблинской унии 1569 года, объединившей Великое княжество Литовское и Польшу в одно государство – Речь Посполитую.

Однако литовский язык уже в XIX веке превращается из нескольких народных «наречий» в литературный письменный язык на основе латиницы. Растет число наименований литературы на литовском языке и количество ее читателей: с 1864 по 1904 год (период запрета использования

³ Термин «обрусение», используемый во второй половине XIX века в Российской империи применительно к некоторым аспектам языковой, образовательной, культурной политики, не следует воспринимать как синоним ассимиляции. Имелось в виду инкорпорирование в российское политическое общество, распространение сферы употребления русского языка прежде всего в городах, но не полный отказ от нерусской этнической (локальной) идентичности [14, с. 54–77; 18, с. 226; 22, с. 399].

латиницы в литовском языке) в Малой Литве (Восточная Пруссия) было издано 1800 наименований литовских книг на латинице общим тиражом 6 млн экземпляров, которые доставлялись через границу на территорию Российской империи [23, с. 131–132]. (Заметим, что за это же время литовских книг на кириллице было выпущено всего 60 наименований). Литовская литература на латинице пользовалась читательским спросом: уровень грамотности среди литовцев в два раза превышал средний по России (половина литовцев умели читать и писать), уровень грамотности среди женщин был выше, чем среди мужчин, при этом лишь 20 % грамотных литовцев могли читать и писать по-русски [23, с. 130–131].

Что же касается белорусского языка как литературного, то к концу XIX века количество наименований литературы на белорусском языке было очень небольшим при почти полном отсутствии ее читателей. Белорусский язык воспринимался как достаточно примитивный вариант «жонувеликорусского» языка, по терминологии одного из классиков белорусоведения Е.Ф. Карского [10, с. 340–359]. Не сложилось и единой, устойчивой белорусской национальной идентичности: носители белорусских говоров характеризуют себя не как белорусов, а как «тутейших» («здешних»), а также русских или поляков (в зависимости от конфессиональной принадлежности). Популярность белорусского языка и белорусской культуры оставалась низкой среди элит центральных и южных губерний Северо-Западного края – ареала проживания этнических белорусов. В 1897 году лишь 5000 представителей местной интеллигенции, прежде всего сельские учителя и мелкое чиновничество (0,1 % всего белорусского этнического сообщества), назвали своим родным языком белорусский [20, с. 313].

«Примордиализм» и «конструктивизм»

Среди многочисленных объяснений возникновения национальных движений и формирования национальной идентичности как некоей альтернативы домодерных идентичностей – религиозной, сословной, территориальной – выделяют два подхода, которые условно можно назвать «примордиализмом» и «конструктивизмом». «Примордиализм» берет начало в романтической традиции, связанной с немецкой классической философией. В рамках такого подхода формирование национального самосознания объясняется естественным развитием народов (этносов) и деятельностью интеллектуальной элиты, которая постигает ценность народной культуры и артикулирует ее (И.Г. Гердер, Ф. Шеллинг, Г. Гегель и др.). В более поздних версиях этой парадигмы формирование национальных движений и национального сознания объясняется изменением социальной структуры общества, появлением буржуазии и ростом городского населения (марксизм, М. Горь).

В рамках традиции «конструктивизма», которая основывается на веберовском подходе, нации рассматриваются как относительно молодые социальные общности, преемственность которых с теми или иными этносами совсем не очевидна и зачастую просто «изобретается», как и древность самих наций (Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, М. Манн и др.). Нации и национальное сознание как эффективное средство мобилизации формируются государством и тесно ассоциируемые с ним институтами – системой образования и армией (особенно после введения всеобщей воинской повинности).

Оба столь не сходных друг с другом подхода объединяет следующее обстоятельство: формирование национального движения и национально-го самосознания объясняется деятельностью не «традиционных», а «современных» акторов: интеллигенции, буржуазии, государственных институтов. Этот тезис, однако, вызывает сомнения. В частности, литовский язык и культура исследуются интенсивно прежде всего немецкими учеными (А. Шлейхером, А. Лескиным, К. Брукманом и др.). Именно благодаря их усилиям литовский язык, как один из древнейших индоевропейских языков, получает известность в Европе, прежде всего в академической среде. Но литовский национальный проект реализуется не в Германии, где тоже проживали литовцы, а в соседней России. Кроме того, среди этнических литовцев было крайне мало представителей «современных» для второй половины XIX века классов и социальных групп: буржуазии, промышленного пролетариата, интеллигенции. Литовцы оставались в подавляющем большинстве крестьянами, их доля в составе городских жителей Северо-Западного края в 1894 году составляла всего 8 %. Насчитывалось лишь 14 купцов литовского происхождения (при этом купцов еврейского происхождения было 3853 человека), лишь 26 000 из 1,6 млн литовцев занимались ремеслами и относились к числу промышленного пролетариата [23, с. 134–135]. Большая часть национальных литовских активистов имели крестьянское происхождение, лишь 3,5 % из них родились в городах [24, р. 91].

Американский социолог Р. Коллинз, исследуя условия становления и развития национальных движений и складывание национальных и этнических идентичностей, смещает акцент с внутренних социальных процессов в рамках тех или иных обществ на внешний, международный контекст. Согласно его государственно-центрированной теории этноса, геополитическое могущество государства на международной арене повышает престиж и притягательность доминирующего этноса; напротив, геополитическая слабость государства снижает его престиж [11, с. 153–149]. Применение теории Р. Коллинза к этносоциальным группам внутри полиэтнических государств (империй) позволяет объяснить снижение престижа польской

культуры и языка в Северо-Западном крае Российской империи во второй половине XIX века, которые в то время ассоциировались не с польским этносом или нацией, а с господствующей социальной группой бывшей Речи Посполитой – шляхтой, полиэтничной по своему происхождению [16, с. 113] и сохранившей доминирующие позиции не только в польских землях, но и на территории бывшего Великого княжества Литовского, и до 1864 года в составе Российской империи.

Влияние помещиков Северо-Западного края существенно упало в результате поражения восстания 1863–1864 годов, отмены крепостного права, которая здесь в большей мере, чем в России, была проведена с учетом потребностей и интересов местного крестьянства. Во второй половине XIX века резко ухудшилось имущественное положение безземельной (чиншевой) шляхты⁴ – наиболее многочисленной страты «благородного» сословия прежней Речи Посполитой. Эти обстоятельства кардинально ухудшили политическое и социально-экономическое положение шляхты – носителя «польской цивилизации» на западе Российской империи, снизив престиж польской культуры. Фактический запрет на использование польского языка в публичной жизни на территории Северо-Западного края сделал всякую связь с «польскостью» нежелательной. В сложившейся ситуации целью как литовских, так и белорусских национальных активистов стало дистанцирование от польской культуры, романтизация и идеализация истории Великого княжества Литовского до Люблинской унии.

В логике геополитической теории Р. Коллинза в ситуации кризиса прежде господствующей польской идентичности местные элиты Северо-Западного края должны были бы склоняться к принятию культуры и идентичности нового геополитического гегемона – России. Тем более что Великое княжество Литовское и Московское царство (позже – Российская империя) имели общего «предка» – Древнюю Русь, их элиты были связаны друг с другом на семейном уровне. Действительно, престиж русской идентичности среди элит и населения центральной и южной частей Северо-Западного края (территория современной Белоруссии) во второй половине XIX века растет, причем за счет «местной» идентичности: доля тех, кто

⁴ Во второй половине XIX века чиншевики, игравшие важную роль в политической системе Речи Посполитой, обеспечивающие безопасность, престиж и политическое влияние своим патронам, превратились в реликтовую социальную группу. Институты управления «Шляхетской республики» были упразднены. Вооруженные силы шляхты показали низкую эффективность по сравнению с регулярной царской армией, что проявилось в поражении польских восстаний 1830 и 1864 годов. Положение безземельной шляхты, арендующей землю у своих патронов-помещиков за бесценок, усугубилось в 1860–1870-е годы в связи с распространением сахарной свеклы как сельскохозяйственной культуры и ростом стоимости аренды земли. Чиншевики, не имеющие средств оплачивать подорожавшую аренду, были изгнаны своими же «панами» руками русской армии и казаков [4, с. 933–934].

считал себя белорусами, уменьшилась с 62,4 % в начале XIX века до 44,8 % в 1917 году [5, с. 29].

В то же время в Ковенской и отчасти Виленской губерниях (территория современной Литвы), напротив, растет престиж как раз «местной» идентичности. Почему часть жемантйской шляхты и интеллигенции не переняла русскую культуру, которая ассоциировалась с геополитическим гегемоном в регионе, а в поисках основания своей новой идентичности обратилась к наречиям и культурным традициям достаточно немногочисленной этнической группы (1, 6 млн к концу XIX века) – «народа, мало исследованного русскими учеными и более известного, по наблюдениям немецко-прусских исследователей» [12], представители которой проживали в сельской местности преимущественно Ковенской и отчасти Виленской губерний – этнических литовцев, или «жмудинов»?

Сравнительный анализ белорусских и литовских элитных социальных групп

В рамках охарактеризованных выше подходов к исследованию национальных движений подчеркивается, что одним из важнейших условий их успеха является наличие социальных групп, благополучие которых тесно связано с соответствующими этническими (национальными) сообществами. Конечно, такие группы должны обладать ресурсами: интеллектуальными, организационными, материальными или властными, а также неформальным влиянием.

Для конкретизации понятия «благополучие социальных групп» используем принцип универсальных базовых стремлений (забот) социальных акторов (индивидов и их сообществ) [15; 25, р. 22–28]. Престиж национально-культурной идентичности (и успех национальных движений) высок в том случае, если та или иная национальная (этническая) группа выступает в качестве сообщества, обеспечивающего: 1) социальный статус; 2) гарантии безопасности; 3) благосостояние (материальные ресурсы, доходы, накопления, доступ к благам, приемлемый уровень потребления); 4) символический престиж (честь, достоинство, признание окружающих).

Как уже отмечалось, формирование национальных движений на территории Западного края связано с падением престижа прежде элитной польской идентичности, в том числе и в результате дискриминационной политики имперской администрации. В 60–70-е годы XIX века связь с польской культурой больше не обеспечивала социальный престиж, политическое влияние, безопасность на территории Северо-Западного края, мало того – вызывала ограничительные меры со стороны русской имперской администрации. Использование польского языка на землях бывшей Речи Посполитой, вошедших в состав Российской империи, было запрещено,

поляки не принимались на государственную службу в Северо-Западном крае, были ограничены возможности приобретения ими земли в данном регионе, в учебных заведениях Виленского округа была проведена чистка преподавательского состава, направленная против поляков [14, с. 72–73].

Относительно низкий престиж белорусского языка и белорусской национальной идентичности объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, негативное отношение к польскому языку в Западном крае отчасти было перенесено и на белорусский. В глазах русской администрации белорусские «наречия» были вариантами русского языка, испорченного польскими языковыми заимствованиями, т. е. результатом «вредоносного» польского влияния. Одними учеными белорусские говоры классифицировались как диалекты польского языка (С. Линде, А. Рышницкий), другими – как часть южнорусского «наречия» (И. Срезневский, А. Потебня, Е. Карский), третьими – как диалекты украинского (А. Ограновский) [13, с. 26; 17].

Такое промежуточное положение между польским и русским – кодифицированными и признанными литературными языками – оказало еще более сильное негативное влияние на развитие белорусского языка как литературного и на складывание устойчивой белорусской национальной идентичности, чем связь с польским языком. Это обусловило отношение к белорусским говорам как к отклонению от нормы, снизило их статус среди образованной публики и, как следствие, привело к отсутствию читателей литературы на белорусском. Таким образом, в губерниях Северо-Западного края с белорусским населением не оказалось влиятельных социальных групп – публицистов, писателей, книгоиздателей, национальной интеллигенции и др., для которых национальное сообщество, состоящее из носителей белорусского языка, оказалось бы также сообществом, обеспечивающим их базовые социальные потребности. В шляхтиче, разговаривающем и пишущем по-белорусски, читающем издания на белорусском языке, соседи-паны и местные крестьяне видели чудака, который выглядел так же неуместно и нелепо, как и русский народник или славянофил, имитирующий простонародную речь.

Чем был вызван столь глубокий интерес к местному народному языку и культуре со стороны этой социальной группы⁵? Имперская администрация однозначно связывала католичество в Западном крае с польским влиянием, поэтому царская администрация предпринимала попытки «обрусения» различных этнических групп с перспективой распростране-

⁵ Видимо, католическое духовенство Жемайтской епархии вполне прагматически относилось к литовскому языку и культуре. Как элитная группа, они не идентифицировали себя в полной мере с местными крестьянами – носителями литовской культуры. Сам М. Валанчюс, будучи сыном литовского крестьянина, в повседневном обиходе явно предпочитал элитарную польскую культуру. Он вел свой дневник на польском языке и подписывался на польский манер – Волончевский [22, с. 126].

ния православия или введения «обратной унии» (предполагалось создание некой объединенной православно-католической конфессии, места священников в которой заняли бы выходцы из православного духовенства Украины – такие проекты выдвигались в 60-х годах XIX века [8]). Политика массового обращения католиков в православие была инициирована генерал-губернатором М.Н. Муравьевым в 1864 году и продолжена его преемниками⁶, прежде всего, в отношении католиков-белорусов – как «возвращение» в лоно родной православной церкви. Это не могло не вызывать опасений со стороны католического духовенства, паству которого составляли этнические литовцы [3, с. 27–33].

Таким образом, в условиях падения престижа польской культуры и дискриминационных мер со стороны имперского правительства католическое духовенство на территории Западного края становится социальной группой, в наибольшей мере пострадавшей от этих процессов; в перспективе было поставлено под сомнение само ее существование. Ответом католического духовенства Северо-Западного края на эти угрозы стал национальный проект, в фокусе которого находилась этническая группа, которая в языковом отношении очень четко отличалась и от польскоязычного населения края, и от восточных славян, исповедуя при этом католицизм. Такой этнической группой, обеспечивающей достаток, власть и престиж католического духовенства Северо-Западного края, и оказались литовцы.

Литовский католицизм, предполагающий использование литовского языка в богослужбных практиках, печать и распространение религиозной литературы, школьное образование на литовском языке, позволял католическому духовенству Виленской и Ковенской губерний Северо-Западного края дистанцироваться от «вредоносного польского влияния». Основой для литовского алфавита стала латиница, но не в польском, а в чешском варианте. Характерные для польского языка буквосочетания были заменены специальными символами.

В 1864 году власти Западного края начинают политику «обрусения» литовцев, прежде всего коренного населения Ковенской губернии, где восстание 1863–1864 годов получило наибольшую поддержку среди местного населения. Основными методами «обрусения» – помимо запрета использования польского языка – стали перевод литовской письменности на кириллицу и распространение «народных школ», в которых преподавание предметов шло на русском и частично на литовском языках. Такая политика имела весьма ограниченный успех: среди европейских территорий Рос-

⁶ Во второй половине 1850-х и начале 1860-х количество католиков, перешедших в православие, составляло около 1000 человек в год. В 1865 году в православие перешли уже 4254 человека, а в 1866 году – 49 498 человек. Далее число обращений стало снижаться и практически вернулось к первоначальным значениям в 1870-х годах [19, с. 236–237].

сийской империи регионы, населенные этническими литовцами, отличались самыми низкими показателями посещаемости официальных начальных школ, только четверть грамотных литовцев владела русским языком [23, с. 131]. Штат учителей в народных школах комплектовался из «благонадежных православных», преимущественно из выпускников духовных семинарий внутренних губерний империи. Они не знали ни литовского языка, ни местных традиций. Сама попытка создания литовской письменности на кириллице была предпринята не в последнюю очередь для того, чтобы русскоязычные учителя могли хотя бы прочесть литовские слова в букваре [18, с. 242–245]. Проект «обрусения» литовцев имел бюрократический характер, в его реализации были заинтересованы, прежде всего, чиновники Виленского учебного округа и те выпускники православных духовных семинарий, для которых было привлекательно получить место учителя в «народной школе».

Католическое духовенство противодействовало попыткам обрусения литовцев. По инициативе духовенства создается сеть начальных школ, где обучение грамоте проходит на литовском языке на основе латиницы; чтение книг и обучение на кириллице объявляется греховным. Грамотность быстро распространяется среди литовцев (к концу XIX века доля грамотных среди литовцев составляет от 30 до 60 % – абсолютный рекорд среди крестьянского населения империи) [23, с. 131]. Литература на литовском языке (на латинице) издается в Пруссии и переправляется книгоношами на территорию Северо-Западного края, причем количество ее читателей постоянно растет.

Символом литовского национального возрождения XIX века стал жемантыйский епископ Мотеюс Валанчюс – «отец» национального литовского католицизма, организатор системы начального образования на литовском языке, человек, пользовавшийся непререкаемым авторитетом среди местного населения. Его призыв бойкотировать школы для детей литовских крестьян, в которых преподавание велось на русском языке или на литовском, но на кириллице, сорвал попытки «обрусения» этнических литовцев [23, с. 125–126].

Благодаря исследованиям немецких ученых литовский язык приобретает европейскую известность, его признают самым древним из индоевропейских языков на территории Европы, ближайшим родственником санскрита. Литовский даже изучается в некоторых европейских университетах (как подготовка к изучению санскрита) [26, р. 37]. Адам Мицкевич в лекциях по славянской культуре, которые он читал в Коллеж де Франс с 1840 по 1845 год, утверждал, что литовцы являются потомками переселившихся из Индии индоариев, их языческий анимизм представлял собой наиболее чистую форму брахманизма, а литовский язык был старейшим языком

европейского континента, подобным санскриту [6]. Древность и самобытность литовского языка делает несостоятельными любые подозрения во «вредоносном» польском (да и каком-либо еще) влиянии на него и служит «охранной грамотой» против дискриминационных мер со стороны имперского правительства.

В отличие от литовского национального возрождения, социальной базой немногочисленного белорусского национального движения была местная интеллигенция, зачастую шляхетского происхождения. Но для осуществления успешного национального проекта одного желания – пусть и самого горячего – недостаточно. Подвергнувшаяся мощному польскому влиянию шляхта в культурном и языковом, а зачастую и в религиозном отношении резко отличалась от местных крестьян – носителей белорусских говоров. Авторитет и власть «благородных шляхтичей» была подорвана поражением восстания 1863–1864 годов. Обедневшие безземельные шляхтичи, составлявшие абсолютное большинство «благородного сословия» бывшей Речи Посполитой, по уровню достатка и образу жизни едва ли отличались от беднейшего крестьянства. При этом они с еще большим рвением подчеркивали свое отличие от простонародья, например, обнося свои деревни стенами, чтобы отделиться от крестьян (обитателей подобных «аристократических деревень» местные жители называли «дворянами за забором»), и обращаясь друг к другу не иначе как «пан» или «пани», а к крестьянам – на «ты» [9, с. 375]. Очевидно, подобное отношение увеличивало отчуждение и неприязнь народа по отношению к шляхте. С другой стороны, шляхтич, заговоривший по-белорусски (т. е. на простонародном «наречии»), вызывал недоумение и осуждение со стороны других шляхтичей как «изменивший» собственному сословию.

В отличие от полонизированной шляхты, обносившей забором свои деревни, а также русской администрации⁷ и учителей «народных школ», в подготовке которых просто не отводилось времени ни для изучения литовского языка, ни для знакомства с литовской культурой, католическое духовенство в землях компактного проживания литовцев гораздо интенсивнее взаимодействовало со своими прихожанами, пользуясь уважением, доверием и влиянием среди местного населения. В отчетах представителей русской администрации о литовской «народности» подчеркивается ее «фанатизм» в отношении католической веры. Этнические литовцы-католики, в абсолютном большинстве – крестьяне, не только принимали активное участие в церковных обрядах, но и поддерживали достаточно интенсивные контакты с ксендзами и во внецерковной жизни. Священнослужи-

⁷ Один из русских чиновников Виленского учебного округа высказался, что «было бы желательно, чтобы жмудяки доучивались до понимания языка наставника, а не наставник – до понимания жмудского языка» (цит. по [18, с. 246]).

тели разговаривали со своими прихожанами на их родном языке: епископ М. Валанчюс требовал от своих подчиненных изучения литовского языка и чтения проповедей по-литовски. Литовское католическое духовенство было активно вовлечено в повседневную жизнь местного крестьянства и за пределами религиозной сферы: при храмах открывались литовские школы, которые среди местного населения пользовались большей популярностью, чем «народные школы»; по инициативе М. Валанчюса было организовано даже литовское общество трезвости, в которое было вовлечено более 80 % взрослых литовцев-мужчин [23, с. 125]. Католическое духовенство, в отличие от шляхты и русской администрации, было связано с местным населением и семейными узами. Получение высшего теологического образования одним из сыновей с последующей карьерой в литовской католической церкви было привлекательной стратегией социальной мобильности для разбогатевшей крестьянской семьи. Епископ М. Валанчюс – выходец из крестьянской семьи – является ярким примером карьеры такого рода.

После восстания 1863–1864 годов в Западном крае имперские власти запретили строить новые католические храмы и ремонтировать старые. Еще в 1841 году была конфискована земля у обителей и высших церковных иерархов (за нее стали давать денежные выплаты) [7]. Однако репрессивные меры имперского правительства привели к последствиям, которые были прямо противоположны первоначальным его целям. Они удешевили католическую церковь в Западном крае для прихожан, снизив возможную напряженность во взаимоотношениях между ней и прихожанами и пробудив сочувствие к «гонимой» церкви.

Таким образом, дистанция между литовским католическим духовенством и народом в социальном и культурном отношении была гораздо меньше той пропасти, которая разделяла местную шляхту, в том числе обедневшую и депримированную, и крестьянское население, а авторитет ксендзов был высок как среди простого народа, так и в шляхетской среде.

Заключение

Итак, успех литовского национально-культурного движения обусловлен следующими обстоятельствами.

1) наличие социальной группы (католического духовенства Северо-Западного края), для которой литовский этнос выступал в качестве сообщества, обеспечивающего ее базовые социальные потребности: во второй половине XIX века этнические литовцы как паства были едва ли не единственным сообществом, обеспечивающим не только благополучие, но и само ее существование;

2) относительно низкая социальная дистанция между литовским католическим духовенством и местным населением вследствие активного участия священнослужителей в жизни местных общин (религиозные ритуалы, образование, общественная жизнь), инкорпорации в духовенство представителей литовского этноса, снижения стоимости литовской католической церкви для прихожан. Вместе с высоким авторитетом как в крестьянской, так и в шляхетской среде относительная «близость к народу» стала источником влияния местного католического духовенства на этнических литовцев;

3) снижение влияния доминирующей прежде социальной группы (шляхты) и польской культуры, носителем которой была шляхта;

4) существенные лингвистические и религиозные различия между новым доминирующим этносом (православными славянами) и этнической группой – потенциальным обеспечивающим сообществом католического духовенства (литовцами), а также относительно низкая численность литовцев, которые снижали их привлекательность как объект ассимиляции (русификации) со стороны имперской администрации. Древность и самобытность литовского языка, определившие его высокий престиж, распространились на этнических литовцев и их культурные традиции, дав определенные гарантии от подозрений во «вредоносном польском влиянии».

В белорусском национальном движении подобной авторитетной и влиятельной социальной группы, для которой белорусы как этнос (нация) стали бы сообществом, обеспечивающим базовые социальные потребности, во второй половине XIX века не было. В роли национальной белорусской церкви могла бы, возможно, выступить грекокатолическая (униатская) церковь, но в 1839 году она была упразднена как самостоятельная конфессия. Сходство белорусского языка, с одной стороны, с русским, с другой – с польским языком обусловило его восприятие как некоего «отклонения от нормы», существенно снизив его престиж как литературного языка.

Литература

1. *Алпатов В.М.* 150 языков и политика, 1917–1997: социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. – М.: Ин-т востоковедения, 1997. – 190 с.
2. *Батюшков П.Н.* Белоруссия и Литва: исторические судьбы Северо-Западного края. – СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза», 1890. – 183 с.
3. *Бендин А.Ю.* Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.). – Минск: БГУ, 2010. – 439 с.
4. *Бовуа Д.* Гордиев узел Российской империи: власть, шляхта и народ на Правобережной Украине (1793–1914). – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 1008 с.

5. Брук С.И., Кабуза В.М. Этнический состав населения России (1719–1917 гг.) // Советская этнография. – 1980. – № 6. – С. 18–34.
6. Венцлова Т. Еще раз о родном отечестве: Литва Мицкевича и Мицкевич в Литве // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. – 2007. – № 6. – URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/6/eshhe-raz-o-rodnom-otechestve-litva-miczkevicha-i-miczkevich-v-litve.html> (дата обращения: 19.02.2024).
7. Гайосинккас А. Римско-католическая церковь в Литве // Terra Mariana. – 2013. – 7 мая. – URL: <https://web.archive.org/web/20130507080750/http://catholic.baznica.info/archives/43> (дата обращения: 19.02.2024).
8. Долбилов М. Сталюнас Д. Обратная уния: из истории отношений между католицизмом и православием в Российской империи, 1840–1873. – Вильнюс: LII leidykla, 2010. – 274 с.
9. Дэвис Н. История Европы. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2004. – 943 с.
10. Карский Е.Ф. Белоруссы. В 3 т. Т. 1. Введение в изучение языка и народной словесности. – Минск: БелЭн, 2006. – 656 с.
11. Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. – М.: УРСС: Ленанд, 2015. – 504 с.
12. Литовцы / Э. Вольтер // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. – URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/brockhaus-efron/articles/203/litovcy.htm> (дата обращения: 19.02.2024).
13. Коряков Ю.Б. Языковая ситуация в Белоруссии и типология языковых ситуаций: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2002. – 129 с.
14. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм. – М.: Новое литературное обозрение, 2006. – 248 с.
15. Розов Н.С. Происхождение языка и сознания: как социальные порядки и коммуникативные заботы порождали когнитивные и речевые способности. – Новосибирск: Манускрипт, 2022. – 355 с.
16. Селицкий А.И. Польская шляхта в социально-правовой системе Российской империи // Поляки в России: XVII–XX вв.: материалы Международной научной конференции (Краснодар, 10–11 июля 2002 г.). – Краснодар, 2003. – С.113–116.
17. Сталюнас Д. Границы в пограничье: белорусы и этнолингвистическая политика империи на западных окраинах в период реформ // Ab Imperio. – 2003. – № 1. – С. 261–292.
18. Сталюнас Д. Идентификация, язык и алфавит литовцев в российской национальной политике 1860-х годов // Ab Imperio. – 2005. – № 2. – С. 225–254.
19. Сталюнас Д. Польша или Русь? Литва в составе Российской империи. – М.: Новое литературное обозрение, 2022. – 376 с.
20. Токть С. Латиница или кириллица: проблема выбора алфавита в белорусском национальном движении во второй половине XIX – начале XX века // Ab Imperio. – 2005. – № 2. – С. 297–320.
21. Филиппов С.И. Национальные движения в Западном крае Российской империи во второй половине XIX в. в контексте имперской политики // Россия

и мир в исторической перспективе: к 320-летию основания Санкт-Петербурга: материалы XXIX Международной научной конференции. Т. 1. – СПб., 2023. – С. 472–478.

22. Хоскинг Д. Россия: народ и империя (1552–1917). – Смоленск: Русич, 2001. – 512 с.

23. История Литвы / А. Эйдингас, А. Бумблаускас, А. Кулакаускас, М. Тамошайтис. – Вильнюс: Eugrimas, 2013. – 317 с.

24. Hroch M. Social Preconditions of National Revival in Europe. – Cambridge University Press, 1985. – 220 p.

25. Mann M. The Sources of Social Power. Vol. 1. A History of Power from the Beginning to AD 1760. – Cambridge University Press, 1986. – 578 p.

26. Snyder T. The Reconstruction of Nations. – New Haven; London: Yale University Press, 2003. – 367 p.

References

1. Alpatov V.M. *150 yazykov i politika, 1917–1997: sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetского prostranstva* [150 languages and politics: 1917–1997. Sociolinguistic problems of the USSR and the post-Soviet space]. Moscow, Institute of Oriental Studies Publ., 1997. 190 p.

2. Batyushkov P.N. *Belorussiya i Litva: istoricheskie sud'by Severo-Zapadnogo kraja* [Belarus and Lithuania. The historical fate of the Northwest Krai]. St. Petersburg, Obshchestvennaya pol'za Publ., 1890. 183 p.

3. Bendin A.Yu. *Problemy veroterpimosti v Severo-Zapadnom krae Rossiiskoi imperii (1863–1914 gg.)* [Problems of religious tolerance in the Northwestern Krai of the Russian Empire (1863–1914)]. Minsk, BGU Publ., 2010. 439 p.

4. Beauvois D. *Gordiev uzel Rossiiskoi imperii: vlast', shlyakhta i narod na Pravoberezhnoi Ukraine (1793–1914)* [Gordian knot of the Russian Empire. Power, the gentry and people in the Right-Bank Ukraine (1793–1914)]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2011. 1008 p. (In Russian).

5. Bruk S.I., Kabuza V.M. *Etnicheskiy sostav naseleniya Rossii (1719–1917 gg.)* [Ethnic composition of the population of Russia (1719–1917)]. *Sovetskaya etnografiya* = *Soviet Ethnography*, 1980, no. 6, pp. 18–34.

6. Ventslova T. *Eshche raz o rodnom otechestve: Litva Mitskevicha i Mitskevich v Litve* [Once again about the native fatherland: Mickiewicz's Lithuania and Mickiewicz in Lithuania]. *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture* = *Debates on politics and culture*, 2007, no. 6. Available at: <https://magazines.gorky.media/nz/2007/6/eshhe-raz-o-rodnom-otechestve-litva-miczkevicha-i-miczkevich-v-litve.html> (accessed 19.02.2024).

7. Gayosinkas A. *Rimsko-katolicheskaya tserkov' v Litve* [The Roman Catholic Church in Lithuania]. *Terra Mariana*, 2013, 7 May. (In Russian). Available at: <https://web.archive.org/web/20130507080750/http://catholic.baznica.info/archives/43> (accessed 19.02.2024).

8. Dolbilov M. Stalyunas D. *Obratnaya uniya: iz istorii otnoshenii mezhdú katolitsizmom i pravoslaviem v Rossiiskoi imperii, 1840–1873* [Reverse Union. From the history of relations between Catholicism and Orthodoxy in the Russian Empire, 1840–1873]. Vilnyus, LII leidykla Publ., 2010. 274 p. (In Russian).
9. Devies N. *Istorija Yevropy* [Europa: A History]. Moscow, AST Publ., Tranzitkniga Publ., 2004. 943 p. (In Russian).
10. Karskii E.F. *Belorussyy. V 3 t. T. 1. Vvedenie v izuchenie yazyka i narodnoi slovesnosti* [Belarusians. In 3 vols. Vol. 1. Introduction to the study of language and folk literature]. Minsk, BelEn Publ., 2006. 656 p.
11. Collins R. *Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoi dlitel'nosti* [Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run]. Moscow, URSS Publ., Lenand Publ., 2015. 504 p. (In Russian).
12. Vol'ter E. Litovtsy [Lithuanians]. *Entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona* [The Brockhaus and Efron Encyclopaedic Dictionary]. Available at: <http://niv.ru/doc/dictionary/brockhaus-efron/articles/203/litovcy.htm> (accessed 19.02.2024).
13. Koryakov Yu.B. *Yazykovaya situatsiya v Belorussii i tipologiya yazykovykh situatsii*. Diss. kand. filol. nauk [The language situation in Belarus and the typology of language situations. PhD of philological sci. diss.]. Moscow, 2002. 129 p.
14. Miller A.I. *Imperiya Romanovykh i natsionalizm* [The Romanov Empire and nationalism]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2006. 248 p.
15. Rozov N.S. *Proiskhozhdenie yazyka i soznaniya: kak sotsial'nye poryadki i kommunikativnye zaboty porozhdali kognitivnye i rechevye sposobnosti* [Origin of language and consciousness. How social orders and communicative preoccupations gave rise to cognitive and verbal abilities]. Novosibirsk, Manuskript Publ., 2022. 355 p.
16. Selitskii A.I. [The Polish nobility in the socio-legal system of the Russian Empire]. *Polyaki v Rossii: XVII–XX vv.* [The Poles in Russia: XVII–XX centuries]. Proceedings of International scientific conference, Krasnodar, July 10–11, 2002. Krasnodar, 2003, pp. 113–116. (In Russian).
17. Staliūnas D. Granitsy v pogranič'e: belorusy i etnolingvističeskaya politika imperii na zapadnykh okrainakh v period reform [Borders in a borderland: the Belarusians and the ethnolinguistic policy of the Russian Empire in western borderlands (the era of “Great reforms”)]. *Ab Imperio*, 2003, no. 1, pp. 261–292. (In Russian).
18. Staliūnas D. Identifikatsiya, yazyk i alfavit litovtsev v rossiiskoi natsional'noi politike 1860-kh godov [Lithuanian identity, language, and script in Russian nationality policy (in the 1860s)]. *Ab Imperio*, 2005, no. 2, pp. 225–254. (In Russian).
19. Staliūnas D. *Pol'sha ili Rus'? Litva v sostave Rossiiskoi imperii* [Poland or Rus'? Lithuania within the Russian Empire]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2022. 376 p. (In Russian).
20. Tokt' S. Latinita ili kirillitsa: problema vybora alfavita v belorusskom natsional'nom dvizhenii vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [latin or cyrillic alphabet: the problem of alphabet choice in Byelorussian national movement in the second half of the 19th – early 20th century]. *Ab Imperio*, 2005, no. 2, pp. 297–320. (In Russian).

21. Filippov S.I. [National movements in the Western krai of the Russian empire in the second half of the 19th century in the context of imperial policy]. *Rossiya i mir v istoricheskoi perspektive: k 320-letiyu osnovaniya Sankt-Peterburga*. T. 1 [Russia and the world in historical perspective, dedicated to the 320th anniversary of the founding of St. Petersburg. Vol. 1]. Proceedings of the XXIX International Scientific Conference, St. Petersburg, 2023, pp. 472–478. (In Russian).

22. Hosking G. *Rossiya: narod i imperiya (1552–1917)* [Russia: People and Empire (1552–1917)]. Smolensk, Rusich Publ., 2001. 512 p. (In Russian).

23. Eidintas A., Bumblauskas A., Kulakauskas A., Tamoshaitis M. *Istoriya Lity* [The History of Lithuania]. Vilnius, Eugrimas Publ., 2013. 317 p. (In Russian).

24. Hroch M. *Social Preconditions of National Revival in Europe*. Cambridge University Press, 1985. 220 p.

25. Mann M. *The Sources of Social Power*. Vol. 1. *A History of Power from the Beginning to AD 1760*. Cambridge University Press, 1986. 578 p.

26. Snyder T. *The Reconstruction of Nations*. New Haven, London, Yale University Press, 2003. 367 p.

Статья поступила в редакцию 21.09.2023.

Статья прошла рецензирование 28.10.2023.

The article was received on 21.09.2023.

The article was reviewed on 28.10.2023.